Однозначно, многим организациям пришлось перейти на удаленный режим работы, а, следовательно, появилась необходимость изменения порядка работы с документами, которые не полностью цифровизованы [9].

В данном случае возникают проблемы подписания документов на бумажном носителе несколькими лицами, работающими в удаленном режиме, обмена документами между разными лицами.

1. Лосева А.С., Фецкович И.В. Внутренний аудит и анализ готовой продукции коммерческих организаций агропромышленного комплекса // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 55-9. С.75-78
2. Лосева А.С., Мегаева С.В. Современные проблемы бухгалтерского учета в организациях АПК: учеб. пособие., Мичуринск: Издательство Мичуринского ГАУ, 2019. - 119 с.
3. Фецкович И.В., Лосева А.С. Оценка качества учетной информации в рамках системного подхода к аудиту // Наука и образование. 2019. Т2. №2. С.101
4. Лосева А.С., Чернышова Ю.И., Кузнецова В.В. Аудит как инструмент финансового контроля // Наука и образование. 2019. Т2. №2. С.19
5. Лосева А.С., Фецкович И.В. Использование системного подхода к оценке качества информации в бухгалтерском учете и аудите // Наука и бизнес: пути развития. 2019. №5 (95). С.95-97
6. Лосева А.С., Фецкович И.В., Попова В.Б. Современные аспекты бухгалтерского учета основных средств // Агротехнологии XXI века. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию высшего образования на Урале, Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д.Н. Прянишникова, 2010. С.60-64
7. Лосева А.С. Роль финансового контроля в обеспечении экономической безопасности на предприятиях АПК / Инновационные достижения науки и техники АПК. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, 2018. С. 511-514.
8. Лосева А.С. Совершенствование методики аудита основных средств в коммерческих предприятиях // Kant.2018. № 1 (26). С.195-199
9. Лосева А.С., Фецкович И.В. Развитие экологического учета на предприятиях масложировой промышленности // Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности АПК - продукты здорового питания. - 2017. №2 (16). С.92-99
10. Фецкович И.В., Лосева А.С. Развитие экологического учёта и анализа на предприятиях агропромышленного комплекса / в сборнике: Лучшая научно-исследовательская работа 2017. Сборник статей победителей VI Международного научно-практического конкурса. 2017. С.69-72.

Лукичёв П.М.¹, Чекмарев О.П.²

Пандемия COVID-19 и её влияние на экономическое развитие в краткосрочном периоде

¹БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова

²Санкт-Петербургский ГАУ
(Россия, Санкт-Петербург)

doi: 10.18411/lj-04-2021-95

Аннотация

В статье проанализированы последствия крупнейших пандемий и оценены экономические влияния пандемии COVID-19 на национальные экономики в краткосрочном периоде.

Ключевые слова: экономические последствия коронавирусного кризиса, пандемия COVID-19, краткосрочный период, covid - мотивированная автоматизация, эффект пандемий 21 века

Abstract

The article analyzes the consequences of the largest pandemics and assesses the economic impacts of the COVID-19 pandemic on national economies in the short term.

Keywords: economic consequences of the coronavirus crisis, COVID-19 pandemic, short-term period, covid - motivated automation, effect of 21st century pandemics

Пандемия COVID-19, охватившая в 2020 году весь мир, оказало самое сильное воздействие на национальные экономики в XXI веке. В связи с этим важно проанализировать изменения в экономике на глобальном уровне, национальном уровне, уровне предприятий и на уровне каждого потребителя, вызванные коронавирусным кризисом. Цель статьи - оценить экономические последствия пандемии COVID-19. Поэтому следует отметить разную степень адаптации отдельных экономик к влиянию коронавирусного кризиса.

Для достижения поставленной цели необходимо сопоставить нынешнюю пандемию с предшествующими, выявить её краткосрочные и долгосрочные последствия для экономического развития. В данной статье акцент будет сделан на краткосрочном периоде, под которым традиционно понимается период полгода – год. Пандемия COVID-19, несмотря на всю её уникальность для нынешнего поколения, далеко не первая пандемия на Земле.

Самые губительные последствия для жизни людей имели пандемии «Черная смерть» (Бубонная чума) 1347-1351 гг., приведшая в смерти 200 млн. человек; оспа, начавшаяся в 1520 г., и на протяжении последующих 17 и 18 веков серия "Великих эпидемий" регулярно разрушавшая города по всей Европе, унеся жизни 56 млн. человек; испанский грипп 1918-1919 гг., погубивший 40-50 млн. человек; чума Юстиниана 541-542 гг., унесшая жизни от 30 до 50 млн. человек, живших в Европе, Малой Азии, Северной Африке [1]. При всей условности подсчётов, сделанных до XX века, отметим во всех этих случаях отсутствие вакцинации населения, как средства борьбы с болезнью. Оспа убила с приходом европейцев, по оценкам, 90% коренных американцев. В Европе 1800-х ежегодно умирали от оспы по 400 000 человек. С этих позиций, 2,7 млн. человек, погибших от COVID-19 с 2020г по 16 марта 2021 г, выглядит не так уж внушительно [1].

Однако, следует отметить, что несмотря на то, что раньше было много вспышек заболеваний и человеческих катастроф, с 2000 года наблюдалось заметное увеличение частоты пандемий. Именно учащение пандемий представляет, на наш взгляд, наибольшую угрозу для экономического развития. Многие исследователи, в том числе Garrett [2], Keogh-Brown [3] и совсем недавно Madhav [4] и Fan [5], предсказывали глобальную пандемию.

По одной из версий, которую отстаивают Madhav и др., это связано с увеличением числа вирусных заболеваний среди животных. По нашему мнению, сейчас происходит сочетание нескольких взаимосвязанных причин. Городские агломерации высасывали как пылесос людские ресурсы из других регионов и сельской местности. Наряду с экономическими преимуществами, которые даёт большая концентрация специалистов, скученность населения способствует распространению пандемий. Можно провести следующую аналогию. Учащение пандемий в XXI веке подобно тому, как переход к промышленному птицеводству вызвал рост заболеваний сальмонеллой. Содержание домашних животных в скученных условиях провоцировало заболевания птиц, которое передавалось человеку. Несмотря на все меры, принимаемые в РФ и в мире, её последствия проявляются и сегодня. В среднем в РФ ежегодно регистрируется около 50000 случаев заболевания сальмонеллезом у человека. Летальность от этой инфекции составляет 0,01- 0,02 на 100 тысяч населения, среди детей – 0,03 [6]. Глобализация экономики и повышение уровня жизни населения помогали учащению контактов между людьми разных стран и регионов, что способствовало передаче инфекций в общемировых масштабах. Поэтому не следует считать пандемию COVID-19 совсем уж неожиданной для человечества.

Вместе с тем, масштаб и быстрота распространения пандемии в первые месяцы 2020 года оказались фактически непредсказуемыми как для национальных экономик, так и для национальных систем здравоохранения. Когда разразилась пандемия COVID-19, некоторые страны сильно пострадали в первые месяцы, отчасти потому, что их

инфраструктура общественного здравоохранения была уже перегружена. Неспособность сложившихся в России и в развитых странах систем здравоохранения гибко реагировать на внешние шоки в виде пандемии свидетельствует о необходимости «переналадки» национальных систем здравоохранения к изменившимся условиям совместного глобального проживания человечества. Чем сильнее будет проходить глобализация мировой экономики, тем явнее будет проявляться угроза повторения пандемий. Поэтому условия для быстрого реагирования на появляющиеся пандемии должны быть «встроены» в систему здравоохранения будущего.

Народные хозяйства практически всех стран мира, встретившихся с пандемией в начале 2020 года, испытали шок. Первоначальные меры реагирования на пандемию COVID-19 явно, как понятно сегодня, отражали прогноз краткосрочного (2-3 месяца) неблагоприятного воздействия на экономику. Методы преодоления кризисных явлений, применяемые правительствами, были вполне традиционными в про кейнсианском духе. Различались только размеры государственной поддержки.

Валеева и др., характеризуя пакет мер, принятый правительством России в краткосрочном периоде, акцентируют внимание на их меньшем объеме, чем в странах ЕС. Так, бюджетные меры, связанные с освобождением от уплаты налогов, отсрочкой и понижением налоговой ставки, с прямыми бюджетными субсидиями для предприятий и населения, оцениваются ими в 1,2–1,4% от ВВП России. Эти цифры сопоставимы с показателями в Италии, но они меньше, чем в Германии (2%) и Франции (3,6%). Существенно отличаются гарантийные или кредитные механизмы. В России запланирован объем государственных гарантий на уровне 0,8–1% от ВВП, то есть около 1 триллиона рублей. В Германии этот же показатель равен 20% от ВВП, в Италии – более трети [7]. Означает ли, что большие размеры государственной поддержки дадут лучший экономический эффект для национальной экономики? Показатели меньшего падения объема ВВП в России, чем в США. Великобритании и странах ЕС доказывают, что нет. Кроме того, рост ВВП за 2020 год в Индии и КНР показывает, что пандемия COVID-19 снизила, но не блокировала долгосрочные преимущества развития экономик этих стран.

Курдин и др. обращают внимание на необходимость поддержки трансформации предприятий в условиях коронавирусного кризиса. Это предполагает меры государственного регулирования, ориентированные на адаптацию предприятий к новому режиму работы [8]. Главное в этих мерах, по нашему мнению, насколько они соответствуют возможностям предприятий использовать их, что происходит последовательно по шести стадиям [9]. Показательной в этом плане является реакция российских предприятий, столкнувшихся с резким падением потребительского спроса в первые месяцы пандемии, по отношению к персоналу. Исследование НИУ ВШЭ «Работа и трудоустройство в условиях эпидемии», показало, что более половины российских работников заявили об урезании заработной платы и потери премий и бонусов. В то же время, значительно меньше респондентов заявляли о задержках заработной платы в период пандемии, что может свидетельствовать о действенной санкционной политике государства в отношении работодателей, не выполняющих требования Трудового Кодекса [10].

В США потеря рабочих мест из-за пандемии COVID-19 происходило неравномерно. Campello et al. (2020) обнаружили, что потеря рабочих мест была более серьезной в отраслях с высококонцентрированными рынками труда (т. е. где приём на работу сосредоточен среди нескольких работодателей), не торгуемых секторах (например, строительство, медицинские услуги) и в компаниях с ограниченными кредитными возможностями [11].

Среди мер адаптации предприятий к последствиям коронавирусного кризиса следует выделить, по нашему мнению, три направления: «новая» тенденция к удалённой занятости, расширение «нового неравенства» между работниками высокой и средней квалификации и работниками низкой квалификации, *covid - мотивированная*

автоматизация, которая возросла на основе страхов высокой безработицы и закрытия границ для работников мигрантов. Все эти действия приводят, как отмечает Миловзорова М.Н. [12], к «цифровому отбору» в результате которого стать эффективными работниками могут только те, кто готов постоянно обучаться и развиваться, способны понять, что их предыдущие достижения в определенной мере обесцениваются в условиях интенсификации смены технологий.

Меры адаптации предприятий к последствиям коронавирусного кризиса, к сожалению, не смогли предотвратить значительного падения ВВП. Общие потери глобальной экономики от COVID-19 в 2020-2021 году, по предварительным расчётам, превысили 10,3 трлн. долларов. Данная оценка дана по стоимости упущенной продукции: оценивались те товары и услуги, которые мир мог производить, если бы не пострадал от коронавирусного кризиса [13]. Фактически мировое производство вместо ожидаемого роста в 3%, имело падение в 5%, что представляет собой наибольшее снижение со времён Второй Мировой войны.

Появление пандемий и, в частности, COVID-19 связано с развитием общества и глобальных экономических процессов. Большая скученность населения в городских агломерациях вместе с растущей глобализацией дают эффект пандемий 21 века, который проявляется в учащении пандемий и их всемирном охвате. Имеет важное значение утверждение Thomas Bollyky: пандемии постепенно исчезали не из-за вакцинации, а благодаря инвестициям в санитарии и гигиену [14]. Следовательно, требуется изменения национальной политики государственного регулирования в направлении реформирования системы здравоохранения для предотвращения будущих пандемий.

1. Ang C. Visualized: the World's Deadliest Pandemics by Population Impact. URL: Visualizing the World's Deadliest Pandemics by Population Impact (visualcapitalist.com)
2. Garrett, T. A. (2008). Economic effects of the 1918 influenza pandemic: Implications for a modern-day pandemic. Federal Reserve of St. Louis. URL: <https://doi.org/10.20955/r.90.74-94>
3. Keogh-Brown, M., McDonald, S., Edmunds, J., Beutels, P., & Smith, R. (2008). The macroeconomic costs of a global influenza pandemic [Conference paper]. 11th Annual Conference on Global Economic Analysis, Helsinki, Finland. URL: http://www.gtap.agecon.purdue.edu/resources/res_display.asp?RecordID=2755
4. Madhav N, Oppenheim B, Gallivan M, et al. Pandemics: Risks, Impacts, and Mitigation. In: Disease Control Priorities: Improving Health and Reducing Poverty. 3rd ed. The International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, Washington (DC); 2017.
5. Fan, Y. Y., Jamison, D. T., & Summers, L. H. (2018). Pandemic risk: how large are the expected losses? Bulletin of the World Health Organization, Vol.96(2), p.129–134. URL: <https://doi.org/10.2471/BLT.17.199588>
6. Рождественская Т.Н., Яковлев С.С., Кононенко Е.В. Профилактика сальмонеллеза птиц. Farm Animals.2012. № 1(1). с. 54-56.
7. Валеева А.В.; Хазиахметова Г.А. Экономика в условиях пандемии. 2020. С.39-43. URL: ISMEF_2020_39_43.pdf (kpfu.ru)
8. Курдин А.А., Коломиец А.Р., Маркова О.А., Служевская В.Д., Филиппова И.Н., Шпакова А.А. Вход в пандемию: первые меры поддержки экономики и первые результаты // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2020. Т. 12. № 2 (36). С. 7-25.
9. Лукичев П.М. Институциональный анализ государственного регулирования//Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2001. № 2. С. 37-44.
10. Гимпельсон В.Е, Капельюшников Р.И. Рынок труда под натиском коронавируса// Центр трудовых исследований ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/369698959.pdf> (дата обращения: 20.03.2021).
11. Campello, M., Kankanhalli, G., & Muthukrishnan, P. (2020). Corporate Hiring under COVID19: Labor Market Concentration, Downskilling, and Income Inequality. NBER Working Paper No. 27208. National Bureau of Economic Research. URL: <https://www.nber.org/papers/w27208.pdf>
12. Миловзорова М.Н. Трансформации социальных систем: экорациональный подход//Общество: философия, история, культура. 2021. № 1 (81). С. 13-17.
13. COVID-10trn. The Economist January 9th 2021. p.65.
14. Bollyky Thomas. Plagues and the Paradox of Progress. Why the World Is Getting Healthier in Worrisome Ways. Cambridge, MA. MIT Press. 2018. – 253 pages.